

Наталья ВАРЕНИК

Наедине с Константином Симоновым

К 100-летию писателя

...Весна, несколько дней до празднования Дня Победы. В моей, ещё старой, квартире раздаётся телефонный звонок. Снимаю трубку. На другом конце провода взволнованный голос с хрипотцой: «Алло, Наташа?». Чувствую, это что-то важное и необычное — такие звонки могут изменить всю жизнь. Голос из телефонной трубки буквально «зашкаливает»: «Ты читала вчера в "Комсомолке" свои стихи?!». Внезапно слабеют ноги: в те годы это было чем-то невероятным, особенно для обыкновенной школьницы.

Через несколько дней — 9 мая — в мою размеренную жизнь врывается строгий голос телефонистки: «На проводе Днепропетровск, соединяю!».

Гремят оркестры, море цветов, салюты, а с Писаржевского, 7 в Днепропетровске долетает уже хорошо знакомый голос: «Наташ, почитай стихи о войне!».

Читаю, глотая от отчаянья слова, — ещё бы, возле телефонной трубки собрались талантливейшие люди, которые знают о войне не понаслышке.

«Откуда это у тебя?» — спрашивает кто-то на проводе и просит почитать ещё.

Я и сама не знаю — откуда, ведь я родилась через много лет после Победы...

Но было кое-что, что объединило меня с удивительным мечтателем, которого я называла «Капитаном» — собственным корреспондентом «Комсомолки» по югу Украины, позже — собкором газеты «Культура» и заслуженным работником культуры Украины Аркадием Яковлевичем Пальмом.

Это связующее звено, соединившее через пространство и время мечтательную школьницу и маленького юнга из знаменитого Костромского военно-морского клуба — Константин Михайлович Симонов.

Ротонда, где гонял чай Островский...

К Константину Михайловичу мы шли каждый своим путём: маленький юнга Аркадий добирался из Грозного, где его семья жила до войны.

Отец парнишки, зам. командира батальона Яков Пальм, пережил разгром наших войск в Ростове-на-Дону и в Сталинграде. Чуть позже судьба забросила его в Ленинградское высшее военно-инженерное училище им. Жданова, которое находилось во время войны в Костроме. Вот туда-то, делить с отцом скудный офицерский паёк, и отправился худой глазастый мальчишка.

Это была осень 1943 года. От берегов Суэца до Волги — не близкий свет. Один, дрожа над котомкой, в которой кроме смены белья и нескольких чурек было самое ценное — коньяк, подаренные бабушкой из Одессы, Аркадий бесстрашно ринулся через полстраны отцу.

От «тёплого» места курсанта мальчишка категорически отказался — не нужна была курсантская кухня, не хотел он быть отставной козы барабанщиком...

Мечтательного паренька влекло совершенно другое — сладостное блаженство бродить среди кильсонов, перчаток «гарде», румпелей, лязгать по стоячему и бегущему такелажам, забираться к рамселу, и, сидя на корме, наблюдать, как ловко поднимают брашпиль «сидеро» юрок.

Тот, кто видел «Жестокый романс», помнит кадры волжского берега с ажурной ротондой. В этой беседе, где гонял чай знаменитый драматург Островский, будущий юнга провёл самые лучшие часы своей жизни.

Рядом с беседкой в глубине парка находились купеческие ряды — приземистые лабазы, в одном из которых помещался военно-морской клуб. Оставалось найти способ, как туда поступить. От мальчишек он узнал фамилию начальника, они же показали ему капитан-лейтенанта в голубом кителе, который оказался замечательным человеком.

Так Аркадий Пальм попал в знаменитую костромскую «школу юнг», выпускники которой прославились на всю страну, хотя не успели много поведать. Своим отчаянным героизмом малолетние мальчишки заслужили скромное звание «дети войны». Именно их одногруппов больше всего сейчас на Парадах Победы — старшие солдаты уже ушли...

В 1944 году в Костроме зима выдалась суровая. На квартире у отца по Глухому переулку, 23, собирались молодые офицеры, служившие помощниками на кафедре геодезии и картографии. Здесь, за чашкой кипятка с сухарями, два молодых лейтенанта рассказали Аркадию о Константине Симонове. Позже первый из них станет известным ленинградским архитектором, а второй — знаменитым художником, лауреатом Ленинской премии.

В то время Симонов только «вошёл в моду».

— Сталин сказал, что книгу «С тобой и без тебя» нужно было издать в двух экземплярах — ей и ему, — рассказывал один из лейтенантов.

На следующий день Аркадий уже был в библиотеке.

— Мне полное собрание сочинений Симонова.

Библиотекарь смутилась:

— У него пока нет, одна книжечка. Но обязательно будет.

Страничку газеты «Правда» со сти-

хами Симонова лейтенант Мачерет носил в планшетке, оттуда Аркадий и переписал их в присутствии хозяйки — слишком большая ценность.

А после войны, в 1946 году, в Костроме вместе с однокашником Леонидом Быковым зачитывался стихами Симонова.

Леонид Быков и мальчонка-запевала

Однажды в городском клубе выступал сводный хор школьников. Ответственный за это мероприятие Лёня Быков, щёголь, одетый в курсантскую лёгкую форму, за считанные часы сколотил номер. Неизвестно, что бы вышло из этой затеи, но когда ребята (в том числе и Аркадий) уже сиротливо маячили на сцене, Быков втолкнул в середину строя мальчонку.

— Огольщи! Слушайте его и подпевайте, — приказал он. — Всё будет спок!

Через много лет Быков сыграет множество ролей на сцене театров, снимется в фильме «Добровольцы», будет командовать «поющей эскадрильей» и подарит зрителю «Аты-баты шли солдаты»...

А пока — поднялся занавес, аккордеонист сыграл вступление, но... хор молчал. У перепуганных ребят перехватывало дыхание.

И вдруг чисто и звонко вступил мальчонка-запевала. Ободрённые такой неожиданной поддержкой, дружно грянули остальные, а голос мальчонка вёл дальше и дальше... Никто не представлял, что один крошечный человек может заполнить собой и сцену, и зал, и всё ему будет тесно. Его голос станет требовать новых сердец, и он, в конце концов, найдёт их по всей стране.

Мальчика-запевалу звали Иосиф Кобзон.

Так и сдружилась эта четвёрка: Аркадий Пальм, Лёня Быков, Иосиф Кобзон и сын репрессированного в 1937 году писателя Миша Трейдуб...

Об этой и десятках других удивительных историй Аркадий Пальм напишет спустя много лет в своих книгах, последние из которых — «Весенние астры Леонида Быкова» — недавно опубликована в издательстве «ДнепроVAL». В неё вошли очерки не только о знаменитом актёре и режиссёре, но и о Константине Симонове, Булате Окуджаве, Александре Грине, 125-летие со дня рождения которого отмечается в этом году.

Судьба сводила Аркадия Пальма с незаурядными людьми, которые позже становились героями его книг. В Одесском литературном музее есть портрет Александра Пальма, известного в своё время драматурга, в пьесах которого играл даже писатель-романтик Александр Грин. Вполне вероятно, что этот драматург является родственником Аркадия, тем более что его дед был одеситом, работал бухгалтером Горькой думы, а бабушка, большая подруга Леонида Утёсова, служила артисткой в Одесском оперном театре...

«Самиздатель» Константина Симонова

1954 год. Ленинская комната, в которой обитали студенты факультета журналистики Киевского университета, вмещала много народа — кровать к кровати. Литературные вечера собирали огромные студенческие аудитории. На одном из таких мероприятий в президиуме, среди «звёзд первой величины», появились Максим Рыльс-

кий и Константин Симонов.

Аркадий написал записку, упираясь в спину сокурсника Юры Барабаша: «Расскажите, пожалуйста, о своих встречах со Сталиным».

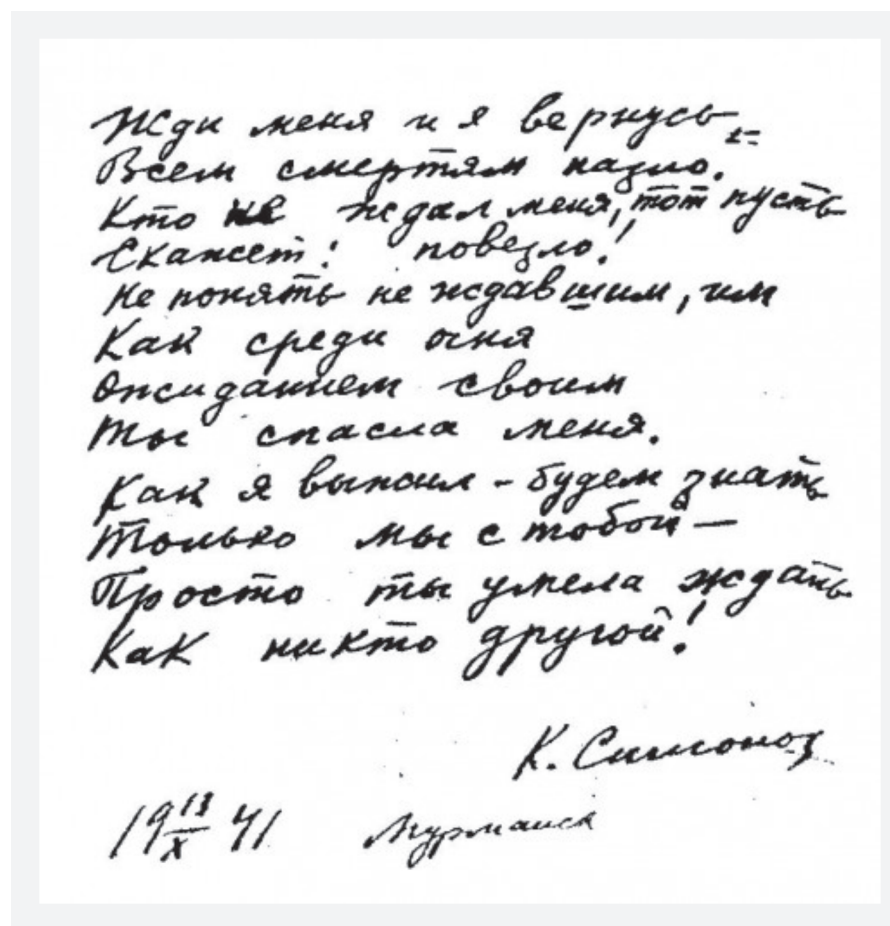
Симонов тогда ответил так: — Это очень ответственно и сложно. Когда-нибудь я, очевидно, смогу обо всём этом рассказать...

В 1972-м, когда судьба сведёт поэта с собкором «Комсомолки» Аркадием Пальмом, он искренне удивится: «Так это вы спрашивали?». В ту встречу они с Симоновым не раз вспомнят Кострому и военно-морской клуб.

Однажды начальник клуба Андрей Жданов вызвал Аркадия и сказал: — Пожалуйста, переписайте от руки 46 экземпляров стихотворения Константина Михайловича, наши соседи, курсанты ЛКОЛВУ имени Жданова, выпускаются лейтенантами и уезжают на фронт. Поручаю это вам.

Так юнга Аркадий Пальм стал «самиздателем» сочинений Симонова, этого случая очень тронул писателя.

Спустя годы «роли поменялись»: теперь уже Константин Михайлович стал рецензентом книги журналиста, которая называлась «Чьи глаза у мечты», в этом сборнике много очерков о войне. Книга вышла в издательстве «Молодь» в 1975 году, Конс-



тантин Михайлович всё-таки успел, несмотря на болезнь...

Мне повезло меньше: помочь моей книге увидеть свет Симонов уже не смог, я переписывалась с ним через его помощника, сам писатель был в то время серьёзно болен. Письма с домашнего адреса писателя приходили тёплыми — стихи Симонова передали, но он пока в больнице, ждите...

В 1979 году Константина Михайловича не стало. Моя первая книга вышла в 1982-м с предисловием другого писателя-фронтовика. Говорят, что у войны есть своё лицо, только каждый видит его по-разному. Для меня это маленький дворик Литературного института им. А. М. Горького — там можно было столкнуться с живыми легендами, писателями-фронтовиками, которые читали лекции нам, студентам. Можно было запросто пообщаться с Александром Межировым, который ещё не уехал в



штаты и Евгением Винокуровым, сердце которого, задетое войной, уже давало сбои. Поговорить в институтских коридорах с Евгением Евтушенко и Андреем Дементьевым, которые видели войну детскими глазами, но написали о ней пронзительные строки. Эти люди создавали неповторимую ауру послевоенного бытия, наполненную особым светом.

Обличье войны проступало сквозь ажурную листву сквера возле Большого театра, отдавалось эхом в Лужниках, возле гостиницы «Юность», куда приезжали с разных концов страны соборы «Комсомолки». Среди них выделялись «наш собственный» — корреспондент по югу Украины Аркадий Пальм, им зачитывались, ему завидовали, потому что это был человек поколения Симонова и тень Конс-

пареньке, который погиб, спасая из огня колхозную технику. В редакцию стали поступать письма, одно из которых поставило под вопрос героизм парня: стоило ли спасать ценой человеческой жизни кусок колхозного железа? Письмо (учитывая то время, сегодня цинизм в моде) поразило всех. Решили попросить Константина Михайловича ответить на этот вопрос.

Симонов приехал в редакцию. Был он одет в синюю, привезённую из Вьетнама робу: хлопчатобумажные штаны, такая же куртка с широкими накладными карманами, серёжкая в клеточку рубашка. Был он сед, подстрижен почти под «бобр», гладко выбрит, не расставался с трубкой. Табак он в неё не набивал, а так — время от времени поасывал.

Родилась идея поехать в Прудские Вyselки, на место происшествия, и написать об этом. Ехать с Симоновым поручили собору Аркадию Пальму.

Вскоре поэт позвонил в редакцию, мол, готов ехать в командировку. И вот в шесть утра Аркадий был уже у него дома, в квартире на седьмом этаже по улице Чернышевского. Вот она, заветная встреча, о которой мечталось ещё с военной Костромой!

Ехали редакционной машиной на Каширю. Симонов взял с собой атлас шоссе-ных дорог и то и дело сверялся с указателями. Каширская дорога переходила в Волгодонскую, и на ней он, пожалуй, впервые разговорился.

Симонов рассказал, что до шестнадцати лет жил в Рязани, в бывшем монастыре, где располагалась воинская часть. Отчим его преподавал тактику, часть ходила против банд Антонова. После боя отчим в кожанке возвращался в числе усталых солдат. Однажды их вернулось совсем немного. Тогда Симонов, растолкав бойцов, бросился в строй: «Я написал об этом стихи». И тут же, без перехода, он добавил: «Моя мама никогда не волнуется. Помню, в войну ей сказали, что я попал в окружение и погиб. Она ответила: "Не верю". А жена, чуть задержусь где-нибудь, переполох устраивает. Правда, ездили во Вьетнам мы вместе. Там в бомбоубежищах частенько приходилось отсиживаться...».

Говорили ещё о многом: о новых книгах Симонова, об учёбе в Литинституте... Доехали. Константина Михайловича интересовали самые обыденные факты из жизни героя очерка. Встретаться с напарником погибшего парня, который оставил его один на один с горькой техникой, не хотел — было противно. Очень уважительно и душевно беседовал с родными сторежшего паренька, попросил посмотреть письма.

На обратной дороге Константин Михайлович больше молчал, курил.

На следующий день Аркадий зашёл в кабинет Симонова на первом этаже, здесь работали стенографистки-машинистки. Четыре полки стеллажа были заставлены книгами атора, выходящими почти во всех странах мира. На столе лежала книга, изданная в Испании, это был роман «Живые и мёртвые».

Симонов писал в субботу и воск-

ресенье, отодвинув предисловие к сборнику Алексея Суркова и Михаила Булгакова. В понедельник под вечер он привёз статью в редакцию. Журналисты благодарили Симонова и восхищались материалом. Не было только заголовка. И уже на обратной дороге в машине у него родилось название очерка: «В свои 18 лет».

Материал был подготовлен к печати, оставалось добавить подводку. Её написал Аркадий Пальм, а 22 сентября 1972 года очерк увидел свет. Он стал одним из самых ярких, нашедших материалов того времени.

Жди меня, и я вернусь...

Была и ещё одна встреча с Симоновым после того, как газета была подписана в печать. Он позвонил в редакцию, заинтересовался, когда будет подписана полоса, и пригласил всех дежурных к себе домой на ужин.

Соборался человек двенадцать. Симонов открыл дверь и, улыбаясь, пригласил к столу, возле которого хозяйничал Тимур Гайдар, помогающий Константину Михайловичу на правах друга, в расстёгнутом адмиральском кителе. Сам Симонов в клеёнчатом кухонном фартуке, вооружённый большим ножом, резал ветчину. Засиделись до рассвета...

Симонов и Гайдар проводили журналистов до Ленинградского шоссе, и все разъехались по домам. Процаясь, поэт курил трубку, был задумчив, сердчно жал всем руки — он очень уважительно относился к своим товарищам-журналистам. Одет он был в кожаную куртку, ту самую комиссарскую куртку отчима...

Позже Аркадий Пальм встречался с Симоновым в Крыму, в Москве, звонил ему на праздники. Потом было Буйницкое поле под Могилёвом, над которым развеяли прах Константина Михайловича...

Аркадий Пальм тогда уже работал в «Советской культуре». Однажды Маша Симонова, с которой он подружился, рассказала, что перед смертью папа велел ей принести письма Валентины Серовой. За окнами редакции валил снег. Аркадий слушал Машу, и его сердце разрывалось от горя и великой памяти любви...

За эти годы им были написаны прекрасные книги о земляках Днепропетровского края, хотя по духу Аркадий одесит, а по демократизму скорее человек мира...

Когда с ним говорили о Константине Симонове, он видел прекрасное лицо молодого человека с двумя шпалами в петлицах гимнастёрки, в пилотке, лихо сдвинутой на бок, с «беломоринкой» в зубах. Именно таким Симонов написал свою молитву «Жди меня...» в те самые дни войны, когда Сталин обратился за помощью к отцам церкви, о чём мало кто знает.

Тираж этой «молитвы» за годы войны превысил все мыслимые и немыслимые цифры. Большим тиражом в мире издавался разве что Библия...

